

Елена БЕКАСОВА

К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИРОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (40) 2018.

УДК 81

Бекасова О.М. До проблеми діагностування генези російської літературної мови; 9 сторінок; кількість бібліографічних джерел – 16; мова російська.

Анотація. У статті розглядається проблема розпізнавальних ознак зародження російської літературної мови в класичних працях відомих русистів і в системі російської мови. Конкретний лінгвістичний аналіз системних зв'язків генетичних корелятивів в історії російської мови дає можливість пояснити специфіку їхніх взаємозв'язків, взаємодії та відбору, а також перевірити дієвість впливу лексико-семантичного фактора, який висувається більшістю дослідників, у закріпленні тієї чи іншої лексики за походженням.

Ключові слова: генеза російської літературної мови, рефлекс праслов'янських взаємозв'язків.

Вопрос об отношениях между восточно-славянским и старославянским языком до сих пор не имеет обоснованного однозначного ответа [2; 4; 5; 6]. М. В. Ломоносов впервые развёл два языка и попытался определить некоторые характерные черты каждого. Старославянский язык, по его мнению, мы можем наблюдать в «книгах церковных на славенском языке» – «переводах Ветхого и Нового завета, поучениях отеческих, духовных песнях Дамаскиновых и других творцов канонов», то есть в строго обозначенном круге текстов, которые, в силу своей религиозной направленности являлись эталонными, что приводило к определённой консервации текста, поэтому «многие места оных переводов недовольно вразумительны» [12, с. 198]. Однако в целом церковные книги были доступны для понимания, чем помогали «умножать довольство российского слова», а также подкрепляли общность славянских языков, «народов славянского поколения, которые греческого исповедания держатся» [12, с. 201].

А. И. Соболевский указывает, что ещё в домонгольскую эпоху церковнославянский язык был доступен русским для понимания и в устной, и в письменной форме: «церковнославянский язык русского извода, то есть с известным количеством постоянных и случайных русизмов, употреблявшийся в качестве русского литературного языка, первоначально был очень близок к живому русскому языку, и в домонгольский период русский мог без затруднения понимать употреблявшиеся в России церковнославянские тексты как болгарского, так и русского происхождения.<...>Таким образом, между литературным языком и живым языком России не было бездны» [13, с. 50]. Нельзя не согласиться с его утверждением, что уровень овладения церковнославянским языком был различен, от этого зависела и степень точности его передачи в своих произведениях древнерусскими авторами: «церковнославянский язык, находившийся в перенесённых из Болгарии текстах, не имел у нас грамматического

определения, <...> идеал церковнославянского языка представлялся каждому из книжных людей различно – смотря по его грамотности и начитанности, смотря по особенностям его местного говора, окрашивавшим бывшие у него в руках книги» [Там же]. Постепенно с конца XIV в. церковнославянский язык и русский обиходный язык все более расходятся и в грамматике, и в сфере применения.

Это связано прежде всего с тем, что церковнославянский язык, изначально не имея устной формы, представлял собой корпус определенных текстов и «только в конце XIV в. стали переводить грамматики ... и попытались изъяснить его парадигму через греческий образец, как подобие последнего» [10, с. 263]. Однако при копировании старославянских оригиналов ошибки русских писцов были малочисленны, что позволяет утверждать, «как высок был уровень изучения этого неродного языка, <...> отмечая хорошее знание старославянского языка большинством книжников Древней Руси, мы, наряду с этим утверждаем, что редкие из них безусловно могли писать или говорить на этом языке» [11, с. 109], так как обслуживал он лишь ограниченную сферу жизни, что привело к закреплению его в пассивном словаре. Это свидетельствует о том, что древнерусский язык и церковнославянские тексты не были абсолютно изолированными друг от друга, они, несомненно, испытывали постоянное взаимовлияние. Л. П. Якубинский называет церковнославянский язык «близко сходным, близко родственным, чужим, но не совсем чуждым», в доказательство чему приводит примеры проникновения в древнерусский язык не только отдельных слов, но и грамматических форм [16, с. 273].

По мнению В. В. Виноградова, русская народная речь оказала существенное влияние на церковнославянский язык, гармонично вплетаясь в ткань книжно-письменных восточнославянских произведений, что более заметно в сходстве грамматического строя и в сфере словаря.

В. В. Виноградов считает, что «сложные культурные влияния соседей, их литератур, их литературных языков, особенно языка греческого и старославянского, содействовали – вместе с созданием восточнославянской письменности – образованию русского литературного языка» [8, с. 101]. Учёный представляет концепцию единства древнерусского литературного языка, выделяя в нем две основные разновидности – народно-литературный и книжно-славянский тип древнерусского литературного языка.

Книжный и народный языки были настолько генетически близки и обладали таким мировоззренческим соответствием, что «в древней Руси не возникло отчуждения книжного языка от народного. Древнерусские переводчики и писатели свободно сочетали литературно-славянские слова с русскими», а «русская стихия с силой врывается» в церковнославянский язык [9, с. 20]. А. И. Горшков также поддерживает концепцию единства древнерусского литературного языка, которая не только не исключает, но и объясняет «богатство его ресурсов и разнообразие манер литературного выражения» [9, с. 92]. Он говорит о невозможности полного разграничения церковнославянского и древнерусского литературных языков, проводя аналогии с современными языковыми ситуациями: «даже существующие в наши дни и полностью доступные для всесторонних исследований языковые формации не могут быть в некоторых случаях однозначно определены как самостоятельный язык или как диалект некоего языка» [9, с. 88-89].

Следует признать правоту В. В. Колесова, который утверждает, что в Древней Руси «были разные тексты, которые создавались на основе различных принципов и образцов в рамках одного и того же славянского языка» [10, с. 281]. Поэтому определение свойств языковых единиц старославянского и восточнославянского языка, противопоставление их другим единицам того же уровня, то есть определение достоверных дифференциальных признаков вызывает значительные трудности у современных исследователей. Об этом говорит в своей монографии «Истоки и судьбы русского литературного языка» Ф. П. Филин: «дифференциальные признаки русского и церковнославянского языков ещё мало изучены» [14, с. 72].

Однако из всех диагностирующих признаков близкородственных языковых систем наиболее значимыми и достоверными признаются генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний [2, с. 181]. Такой подход известен из выделенных А. А. Шахматовым 12 «категорий бесспорных церковнославянских элементов» в современном русском литературном языке [15, с. 246], среди которых наиболее популярными становятся полногласные и неполногласные корреляты.

Широкая представленность коррелятов данной группы, нередко в виде корнесловов типа *град–город*, даёт основание ряду исследователей не только рассматривать их как «типичный и традиционный пример» [10, с. 264] дифференциации коррелятивных пар и механически переносить критерии их отбора на другие рефлексы, например *tj и *dj, но и утверждать семантическое превосходство старославянизмов, за которым следует определение южнославянской основы русского литературного языка.

Конкретный лингвистический анализ системных связей генетических коррелятов в истории русского языка позволяет объяснить специфику их соотношений, взаимодействия и отбора, а также проверить реальность действия выдвигаемого большинством исследователей лексико-семантического фактора в закреплении той или иной по происхождению лексики.

В связи с этим для анализа были выбраны три пары корнесловов, судьба которых на русской почве сложилась различно: с утверждением южнославянского коррелята (*враг/ворог*), с его утратой (*брег/берег*) и сохранением обоих членов (*прах/порох*) при семантической специализации каждого варианта. Проследить исходную картину и динамику семантической структуры слова позволяют прежде всего словари русского языка.

Пара *враг/ворог* исходно демонстрирует широкую представленность неполногласного члена и в сохранившихся памятниках старославянской письменности (более 200 единиц), и в структуре значений. В частности, в текстах древнерусского языка, так или иначе связанных с религиозными представлениями, активно используется значение ‘дьявол, бес, сатана’, а затем ‘еретик, отступник, безбожник’, которое оказывается востребованным, судя по словарям, и в период XVIII–XIX вв. (см.: Срзн. МС, СлДРЯ XI–XIV, СлРЯ XI–XVII, СлРЯ XVIII), но в словарях XX в. отмечается как *просторечное* (БАС) и трансформирующееся в значение ‘всё, что приносит вред, неприятности, зло’ (ТСРЯ). Предполагаем, что именно это значение, оказавшееся востребованным в парадигме христианского общества, стало значимым в конкуренции коррелятов, однако после очередной смены идеологических вех оно становится просторечным. При этом слово *ворог* начинает использоваться в качестве эвфемистического для обозначения чёрта, лешего, нечистой силы (ТСРЯ), чтобы не отяжелить семантическую структуру окончательно укрепившегося в значении ‘неприятель, противник’ старославянизма *враг*. Восточнославянский по происхождению корнеслов тем не менее сохраняется на правах архаичного дубликата с определённой стилистической ограниченностью – *обл., нар.-поэт.* (ТСРЯ).

Следует отметить, что немаловажную роль в распределении «ролей» генетически неодно-

родных коррелятов сыграла пара *вражда – ворожба*, в которой исконный член изначально сохранял обозначение соответствующего языческого ритуала. В связи с этим в системе литературного языка происходит сохранение функционально значимого слова *враг*, вытеснившего *ворог* в сферу фольклора, где слово закрепляется в свойственной для него парадигме *ворог – ворожба*, аналогично тому, как *враг* поддерживается значением слова *вражда*.

Отношения в корреляции *берег/брег* выстраивались иначе прежде всего потому, что изначально их значения полностью совпадали и такая тождественность прослеживается на протяжении всего периода их сосуществования [3]. Выделяемое в словарях для слова *брег* значение ‘крутой, склон’ или ‘гора, крутизна’ *образн. перен.* (СлРЯ XI–XVII вв.) полностью нивелируется к XVIII в., причём старославянизм, употребляясь «с 1740-х гг. преимущ. в стихах, в поэт. и ритор. контекстах» (СлРЯ XVIII), сохраняет такую позицию и в последующие периоды – *церк.-книжн., поэт. устар.* (ТСРЯ), *устар. церк. В поэтической и образной речи* (БАС).

В отличие от других рассмотренных морфонологических коррелятов, пара *порох/прах* демонстрирует сохранность в системе русского литературного языка обоих членов. В старославянских памятниках слово *прах* (18 употреблений) имеет только одно значение ‘пыль’, которое с теми или иными уточнениями встречается в памятниках древнерусской письменности: ‘мелко истолчённые частицы твёрдого вещества, порошок, пепел, кучка золы, останки умерших, тлен, опилки, пыльца, споры’ (СлРЯ XI–XVII вв.). В этот же период происходит специализация значения слова *порох* – ‘порошок, лекарство в виде порошка’, ‘порох’. Терминологизация усиливается к XVIII в., что приводит к окончательному закреплению восточнославянского корнеслова в значении ‘взрывчатое вещество, применяемое для приготовления снарядов и патронов’ (БАС). С одной стороны, данное обстоятельство указывает на возможность развития новых значений у исконного слова, с другой, – на его способность к преобразованию в термин, что обычно легче происходит в словах старославянского или иноязычного происхождения. Сохранение же исходного значения, общего некогда у обоих морфонологических дублетов, в слове *прах*, чаще

всего с пометой *устар. и поэт.*, естественно, влечёт за собой и возможные переносы (*перен.* ‘тлен, нечто до последней степени ничтожное, малоценное, как бы вовсе не существующее вследствие своей ничтожности’ (ТСРЯ), *перен.* ‘то, что недолговечно, малоценно, ничтожно’ (БАС) при закреплении основного значения ‘тело человека после смерти; труп, останки’ (БАС). Иными словами, при близости к исходному значению ‘пыль’ восточнославянский корнеслов специализируется на новом значении, отвечая динамично развивающейся системе языка, в том числе и словообразования (*порошок*), и окончательно отмежевывается от неполногласного дублета, сохранившего прежние уточнённые семантические значения.

Безусловно, в процессах укрепления позиции южнославянского или восточнославянского по происхождению слова важным фактором является его функционирование в соответствующих текстах. Церковнославянские тексты, реализующие исключительно неполногласие [7], не только не допускали какой-либо возможности значительного развития, а тем более смены исходной семантики и конкуренции с семантической структурой восточнославянских эквивалентов, но и не давали развивать новые значения, как это наблюдается в случаях семантической трансформации лексем *порох/прах*, где восточнославянский эквивалент мог свободно употребляться в новых контекстах и получить значение, необходимое для маркировки новых реалий.

Таким образом, анализ семантических изменений слов с наиболее значимыми в плане отношения генетически соотносительными признаками – полногласием и неполногласием – показывает реализацию в русском языке трёх возможных «сценариев» отбора и взаимодействия морфонологических корнесловов – с усилением одного из членов пары и оттеснением другого на периферию языка в качестве стилистического или устаревшего варианта (*берег/брег, ворог/враг*) или с сохранением обоих коррелятов (*порох/прах*) при их семантической дифференциации. В любом случае, закрепление соответствующих коррелятов свидетельствует об активности заимствующего языка, встраивающего южнославянские «излишества» в свою систему по своим законам, а, следовательно, и об исконной генетической основе русского литературного языка.

Литература

1. Бекасова Е.Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний) / монография. – Brno: Tribun EU, 2016. – 194 с.
2. Бекасова Е.Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – 100 с.
3. Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. Особенности представления диагностирующих признаков в разночтениях списков «Повести временных лет» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2017. – № 2. – С. 81-86.

4. Бекасова Е. Н. Вопросы образования и развития русского литературного языка. Синоптическая часть к курсу «История русского литературного языка»: Учеб.пособие. –Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. – 228 с.
5. Бекасова Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: Структуры, Смыслы, генезис: Коллект. монография. – М.: Изд-во Спутник+, 2013. – С. 150–208.
6. Бекасова Е. Н. Истоки гипотез происхождения русского литературного языка // Вестник Челябинского государственного университета: науч. журнал. Филология. Искусствоведение. № 24. – Вып. 57. – Челябинск, 2011. – С. 55–57.
7. Бекасова Е. Н. Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – М., 2014, № 2. – С. 56–63.
8. Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – С. 254–287.
9. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. – М.: Наука, 1983. – 319 с.
10. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – С. 261–296.
11. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в). – М.: Высшая школа. 1975. – 324 с.
12. Ломоносов М. В. Избранные произведения / Под ред. А. А. Морозова. – Л.: Сов.писатель, 1986. – 560 с.
13. Соболевский А. И. История русского литературного языка. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980. – 200 с.
14. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 319 с.
15. Шахматов А. А. Из трудов по современному русскому языку (учение о частях речи).– М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1952. –272 с.
16. Якубинский Л. П. История древнерусского языка.– М.: Учпедгиз, 1953. – 367 с.

Список источников

1. *Срзн. МС* – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., Репринтное издание 1912 г. – Т. I–III. – М.: Книга 1989.
2. *СлДРЯXI–XIV вв.* – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. / РАН – М.: Рус.яз., 1988–2000.
3. *СлРЯXI–XVII вв.* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Словарь древнерусского языка Л.: Наука. 1975.
4. *СлРЯXI–XVII вв.* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и изменения. Тетрадь первая. А–Б. – М.:Азбуковник, 2006.
5. *СлРЯXVIII в.*– Словарь русского языка XVIII в. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. – Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–2013. – Вып. 7–20.
6. *СС* – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Ок. 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: «Русский язык», 1999.
7. *ТСРЯ* Большой толковый словарь русского языка /под ред. Д.Н.Ушакова - Издательство: АСТ, Астрель, М, 2008
8. *БАС* – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965

Елена БЕКАСОВА

К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИРОВАНИЯ ГЕНЕЗИСА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема диагностирующих признаков генезиса русского литературного языка в классических трудах известных русистов и в системе русского языка. Конкретный лингвистический анализ системных связей генетических коррелятов в истории русского языка позволяет объяснить специфику их соотношений, взаимодействия и отбора, а также проверить реальность действия выдвигаемого большинством исследователей лексико-семантического фактора в закреплении той или иной по происхождению лексемы.

Ключевые слова: генезис русского литературного языка, рефлекс праславянских сочетаний.

Elena BEKASOVA

**TO THE PROBLEM OF THE DIAGNOSTIC SIGNS OF THE RUSSIAN LITERARY
LANGUAGE GENESIS**

Abstract. The article deals with the diagnostic signs issue of the Russian literary language genesis both in classical works of the Russian famous philologists and in the system of Russian language. The specific linguistic analysis of system links of the genetic correlates in the history of the Russian language helps to explain the specifics of their correlations, interaction and selection, as well as to check the reality of action proposed by the majority of researchers of the lexico-semantic factor in the consolidation of the varying origin lexemes/

Key words: the Russian literary language genesis, the reflexes of the Slavic combinations.

Стаття надійшла до редакції 25.11.2018 р.

© Бекасова О.М., 2018

Бекасова Олена Миколаївна – доктор філологічних наук, доцент, професор кафедри російської мови та методики викладання російської мови ФГБОУ «Оренбурзький державний педагогічний університет».